

REVIEWS * ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<https://doi.org/10.3176/lu.1995.4.05>

ИВАН ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНОГО МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В истории имеются случаи, когда литературный язык на начальной стадии своего формирования развивается в нескольких вариантах. В таком же русле началось и формирование марийского литературного языка. Первые издания на марийском языке (грамматики 1775, 1837 гг., книги 1804, 1808, 1821, 1827 гг.) были опубликованы без указания диалектов. Это говорит о том, что они предусматривались для всех говорящих на марийском языке, который был далеко не однородным. Первая книга с указанием диалекта вышла только в 1832 году. Она была напечатана на горном наречии. Опубликованная в 1837 году грамматика А. Альбинского (рукопись была готова еще в начале 30-х годов) также вышла без указания на диалект. Затем в 1841 году вышла книга со ссылкой на луговую диалект. Таким образом, начало издания книг на диалектах относится к 30—40-м годам XIX века.

Последняя четверть XIX века, начало формирования современного литературного языка, создала еще одну, третью, форму письменного языка — книги стали издаваться на восточном наречии. Инициатором этого был один из мудрых русских миссионеров, чьим именем названа целая система «инородческого просвещения», — Н. И. Ильминский. Таким образом, в конце XIX века марийская письменность развивалась в трех вариантах. Но в начале XX века было достигнуто слияние двух из них — лугового и восточного — в одну форму. Однако письменность на марийском языке формально продолжала развиваться в двух формах: письменность на горном наречии оставалась, хотя в начале XX века на нем было издано всего два молитвенника (1910 и 1911 гг.). Таким образом, определенные условия для создания общенационального письменного марийского языка сложились уже в то время.

В таком состоянии и вступил марийский язык в самый плодотворный период своего развития. Как видно, разветвление путей развития марийского литературного языка в последующие годы не является чем-то исключительным. Предпосылки для формирования его в разных вариантах складывались еще при возникновении письменности. В условиях государственной политики национального нивелирования они поддерживались сознательно. Но долгожданное право на свободное развитие, предоставленное Советской властью, вместо единения принесло еще более глубокое разъединение. Таковы парадоксы исторического развития марийского народа.

В 20-х годах нашего века была предпринята попытка создания единого литературного языка для всего марийского народа. Была составлена программа, определены пути и принципы создания общенародного языка, его диалектная база.

Предполагалось положить в основу его оба наречия, точнее их письменные формы (Иванов 1975 : 116—117). При этом имелась в виду опора на луговую форму литературного языка с обязательным использованием особенностей горного наречия, прежде всего в области лексики.

Специальной комиссией, созданной по этому поводу, для доказательства возможности создания единого языка был произведен подсчет общих слов для обоих письменных

вариантов литературного языка. Результаты, по мнению комиссии, оказались вполне удовлетворительными. Общность лексики лугового и горного наречий, точнее вариантов литературного языка, базирующихся на них, составляла более 70% («Марийская деревня», 17 декабря 1927). Этого было более чем достаточно для общенационального письменного языка. История свидетельствует, что многие народы добились языкового единства даже при значительно более низком процентном соотношении лексической общности. Был проведен также референдум среди сельского населения. По данным комиссии, представители обеих диалектных групп высказались за создание общего письменного языка при условии, если в нем будут представлены слова из обоих наречий. Новое движение нашло активную поддержку у марийской общественности, в том числе и у тех, кто впоследствии превратился в ярых противников движения.

Создание единого литературного языка стало одной из важнейших задач культурного строительства. В 1927 году было принято решение начать конкретную работу по его созданию. Основной путь формирования его виделся в печатании литературы на этом общем языке.

Однако вполне реалистическое решение о необходимости и возможности создания единого общенационального языка в 1929 году было признано преждевременным на данном этапе развития марийского общества. Поэтому к началу 30-х годов движение за его создание полностью прекращается.

Решение проблем общенационального языка находилось в то время в прямой зависимости от правильного представления о роли диалектов в его формировании, научного понимания таких форм языка, как «общенародный язык», «диалект», которые вследствие чисто бытового представления возводились в один ранг. Недостаточным было тогда и научное понимание процесса развития языков в эпоху становления наций. Марийцы не сумели подняться до уровня понимания общенациональных задач, не смогли оторваться от бытового представления о формах существования языка. Это драматически сказалось на их дальнейшем развитии как нации, на формировании государственности, функционировании языка и т.д.

К начавшемуся в 20-х годах процессу становления марийского национального языка исключительно подходил закон «мирного распространения языка». Территория распространения лугового наречия в силу сложившихся исторических, политических, экономических и культурных обстоятельств становилась как бы центром всего марийского народа, а благодаря большей распространенности и по своим языковым особенностям являясь промежуточным, оно имело определенное преимущество перед другими диалектами для того, чтобы взять на себя роль цементирующей основы общенационального языка и в таком качестве распространиться среди всего марийского населения. Такое отнюдь неравноправное положение диалектов складывается соответственно политическим и экономическим потребностям существования нации в целом. Если нация ставит своей целью дальнейшее развитие, стремится к поступательному движению, возрождению и единению, то каждый ее член должен осознать и понять эту закономерность языкового развития. Такое расширение является единственным и неперенным путем складывания и роста национального языка, наиболее рациональной тенденцией в развитии диалектов. Нельзя забывать, что данный процесс идет постепенно, в течение определенного отрезка времени, продолжительность которого зависит от конкретных исторических обстоятельств.

Эти объективные закономерности складывания общенационального языка не были учтены в проекте культурного строительства марийского народа в 20-х годах. Начало движения характеризовалось некоторой поспешностью. При этом сказались и противоречие другого толка — не бралась в расчет постепенность распространения о д н о г о диалекта, который оказался замененным совокупностью диалектов, т.е. неким средним между луговым и горным наречиями языком. Наконец, развитие письменности на разных диалектах — еще одна роковая ошибка движения за единый язык, которая в конечном счете привела вообще к отказу от самой идеи. Вот почему нельзя считать приемлемым принцип, положенный в основу языкового строительства в конце 20-х годов: «раз диалекты различаются, то надо на них развивать письменность». В марийском языковом строительстве вопреки логике поступили именно так. В результате сегодня марийский народ,

единый в своей языковой, культурной, психологической основе, стал обладателем двух форм литературного языка.

Развитие письменности на диалектах — процесс нежелательный. В большинстве случаев он приводит к возникновению и формированию нескольких литературных норм, что с точки зрения интересов нации весьма нежелательно. Распространение их на все сферы жизни начинает отражаться негативно на процессе этнокультурного развития народа, тормозит процесс его консолидации и в конечном счете ведет к ослаблению его как этнической общности. Тем самым открывается путь к утрате нацией самостоятельности.

Как квалифицировать современное языковое положение у марийского народа, исходя из всего сказанного? Вопрос не простой и дать исчерпывающий ответ на него нелегко. Общественность в последнее время заинтересованно обсуждает проблему языковой ситуации в республике.

Проблема эта в Республике Марий Эл имеет несколько аспектов. Один из них — взаимоотношения диалектов. Самым тесным образом он связан с проблемой единого общенационального литературного языка. Нужно ли обсуждать данный вопрос, принявший в современных условиях некоторый политический оттенок? Или следует деликатно обойти его, хотя он продолжает волновать общественность? Одни видят в нем историческую необходимость нации, другие, напротив, покушение на свободное развитие языков, стремление лишить права пользоваться «родным языком». Понятие взято в кавычки не случайно. В обывательском понимании понятия «язык» и «речь» (речевой процесс, в том числе и диалект) обычно отождествляются. Отсюда и все последствия этой путаницы.

Диалектность лугового и горного наречий не нуждается в особом обсуждении, в науке это установлено давно. Доказано, что они — не разные языки, а диалекты одного и того же языка. Поэтому вопрос о необходимости создания общенационального литературного языка хотя бы в теоретическом аспекте не снимается с повестки дня.

Нужен ли в условиях современности единый общенациональный литературный язык для марийцев? Ответ может быть только утвердительным, если ставится задача существования марийцев как отдельной этнической общности. Поскольку каждая нация одной из своих главнейших задач считает именно данное обстоятельство, то и проблема создания общенационального языка, в каком бы ракурсе она ни трактовалась, остается и будет существовать, пока не будет найдено положительное решение. Аналогичной точки зрения придерживаются и ведущие финно-угроведы, занимающиеся исследованием марийского языка. Они обеспокоены развитием языковых процессов у марийцев в последнее время (Bereczki 1995 : 64—69; Kokla 1995 : 71—78; Saarinen 1995 : 79—84).

Каким образом можно решить данную проблему у марийского народа в современных условиях? Вопрос серьезный, требующий научного обоснования. В схематическом виде это представляется нам следующим образом.

Первый и, пожалуй, наиболее важный этап, который должен быть преодолен современным марийским обществом, — это осознание необходимости данного процесса, подготовка политической и психологической базы для создания общенационального языка.

Политическую основу создания общенационального языка для марийского народа можно в настоящее время рассматривать как двойственную. С одной стороны, после предоставления марийскому народу автономии сложились необходимые условия для языковой консолидации. Еще в 20-х годах марийскому языку постановлением облисполкома был придан статус официального языка (ЦГА 214). В 20-х и первой половине 30-х годов марийский язык получил заметное развитие во всех отношениях и был близок к осуществлению своей основной функции — стать общенациональным средством общения марийцев на новом уровне, т.е. теоретически политические предпосылки для функционирования его в таком качестве имелись. Но с другой стороны, практическое воплощение этого права, реализация статуса официального языка осуществлялась неровно и с трудом. В особенно тяжелое положение марийский язык попал в период после 1937 года, когда его статус официального языка практически оказался аннулированным. Трудные годы выработали в сознании марийского человека определенные стереотипы поведения по отношению к своему языку. Родной язык стал многими восприниматься лишь как средство определения принадлежности к марийской нации и выполнял только вспомогательную

функцию, перестав во многих местах даже являться средством получения первоначально образования. Таким образом, благодаря той же политике, которая предоставила ему широкие возможности, он превратился в нечто второстепенное, не нужное в общественно-политической и даже культурной жизни народа. Носители марийского языка испытывали некое психологическое давление со стороны официального языка государства. У молодого поколения развился языковой нигилизм. Отношение к своему языку как к придатку другого языка постепенно становилось нормой поведения для большинства марийской интеллигенции, особенно для тех, кто находился в стороне от марийской культурной жизни. Так образовалась целая прослойка марийского населения, которая весьма равнодушно, если не сказать враждебно, смотрела на проблемы родного языка и культуры. Русский язык для них стал основным средством общения, занимал главенствующее положение в жизни. Воспитанные на отчуждении от своего языка и культуры, эти люди со временем заняли ведущие позиции в научной и культурной жизни. Естественно, они проводили соответствующую политику. Стоит ли удивляться резкому ухудшению языковой ситуации в Марийской республике в 50—60-х годах, когда марийский язык стал вытесняться даже из сферы начального школьного образования. Печальные последствия такого отношения к культуре и языку наложили свой отпечаток на развитие языковых процессов, оказывая весьма пагубное влияние на совершенствование и функционирование литературного языка. Психология раболепного преклонения перед чужими языками, некий комплекс неполноценности марийского языка в представлении значительной части марийской интеллигенции, особенно старшего поколения, до сих пор являются доминирующими в их взглядах на проблемы развития. Отсюда и нежелание части родителей обучать своих детей на родном языке, поскольку родной язык квалифицируется ими лишь как препятствие для получения образования и служебной карьеры, а не как средство формирования мировоззрения и становления личности.

Отсюда вытекает следующая важная задача, связанная с проблемами языка на современном этапе, — преодоление психологического барьера отчуждения, недооценки родного языка как средства общения нации на всех уровнях.

В политическом аспекте создания общенационального языка в последнее время произошли сдвиги в положительную сторону. Республика получила суверенитет. Марийский язык вновь обрел статус государственного. Постепенно он вводится как учебная дисциплина в школы всех типов. Однако далеко не все проблемы решены и здесь. До сих пор не принят закон о языке, от которого зависит расширение функций марийского языка — одно из важных условий создания общенационального языка, не превращен он еще и в средство получения школьного образования, весьма ограничен в официальном общении и т.д. Принятие закона о языке во многом связано с понятием «единый марийский язык». Противники предоставления марийскому языку статуса государственности прежде всего ссылаются на отсутствие единого литературного языка и считают это обстоятельство одним из главных препятствий для придания ему статуса государственного. Они не хотят признать два марийских языка — и в этом они правы.

А часть марийской общественности, особенно носители горного наречия, продолжает говорить о существовании двух марийских языков. Ненаучность этой концепции была доказана на стихийно развернувшейся в печати дискуссии. Однако проблема остается и без ее решения перспектива развития марийского языка как средства общения марийской нации остается под большим вопросом. Поэтому одна из важнейших задач марийского языкового строительства — найти приемлемое решение проблемы, преодолеть психологический барьер у части творческой и научной интеллигенции горномарийского происхождения, который поддерживается искусственно. Целеустремленность, большое желание сохранить свой язык, его самобытность, сильное чувство родного диалекта, которыми отличаются представители горного наречия, было бы весьма полезно взять на вооружение всем марийцам во имя блага нации и направить их на решение общенациональных языковых проблем. Самое главное — психологически настроить все марийскоязычное население на то, что только взаимопонимание и опора друг на друга при решении общенациональных культурных и языковых проблем может создать перспективу для дальнейшего развития сейчас, потому что марийский язык на современном этапе находится под сильным

воздействием русского языка, который по-прежнему упорно внедряется во все сферы жизни марийского народа, в том числе и в культурно-языковые, чему способствуют отдельные исследователи-филологи, готовые, не думая, уложить весь марийский язык в рамки русской грамматики, что, естественно, не может найти никакого научного объяснения, и тем более оправдания.

Сохранению психологического барьера при решении проблем формирования общенационального языка способствуют, как нам кажется, следующие объективные обстоятельства.

Во-первых, у марийского народа не сложился свой рабочий класс. А это значит отсутствие концентрации населения большими массами в одном месте. Рабочий класс психологически более готов к сплочению, чем сельское население. История показывает, что крестьяне не могут играть консолидирующую роль, тем более марийские, сильно разбросанные на обширных территориях и в силу этого говорящие на множестве диалектов. Деревни, рассыпанные по всей территории с марийским населением, до настоящего времени продолжают пользоваться своими говорами.

Во-вторых, марийская интеллигенция, особенно техническая и административно-управленческая, не владеет марийским литературным языком. Знание родного языка у них ограничивается разговорно-бытовым уровнем. Даже работники народного образования и культуры не избежали такой участи. Как ни прискорбно, но этот факт оказывает существенное влияние на устойчивость литературного языка.

В-третьих, существование у марийцев языкового дуализма, как это было в средние века в некоторых западных странах. Функцию общенационального языка в определенной степени выполняет у нас русский язык. Он в большинстве случаев оттесняет родной язык на второй план. Здесь нередко снова вступает в действие психологический момент: стремясь показать себя «образованной и культурной», марийская интеллигенция часто прибегает к помощи русского языка.

Наконец, в-четвертых, марийский литературный язык современного периода не полivalentен. У него ограничены такие важные функции, как научное, канцелярско-деловое общение, образовательная. Это, надо полагать, наиболее определяющий фактор в возникновении пресловутого психологического барьера, который привел марийцев к недооценке главного своего этнического признака — родного языка.

Исходя из всего сказанного, можно утверждать, что статус современного марийского литературного языка определяется только как литературный язык донациональный — первая ступень литературного языка. Марийский язык, безусловно, имеет свою литературную форму. Но он проявляется и функционирует в двух вариантах — луговом и горном. Две формы марийского литературного языка нецелесообразно и неверно называть двумя литературными языками. Это вносит терминологическую и политическую путаницу в понимание процессов языкового развития. Отсутствие единого литературного языка на определенных этапах развития нации имело место и у других народов.

Из двух форм наибольшее развитие получила луговая. Горномарийский вариант в настоящее время функционирует в основном только как язык художественной литературы и частично как язык обучения в начальной школе.

Существование литературы на диалекте еще не превращает диалект в самостоятельный язык, а лишь делает его письменным. Это — тот же язык, но в форме его письменной диалектной разновидности. Поэтому в лингвистической литературе некоторые различают письменность на литературном языке и литературу на диалектах (Будагов 1967 : 319). Такая трактовка, нам кажется, правильно отражает и современное состояние марийского литературного языка и диалектов. Письменность на горном наречии нельзя рассматривать как самостоятельный язык, как это пытаются делать в последнее время отдельные исследователи и публицисты (Васикова 1992 : 23, 30).

Известно, что наиболее «сильный» вариант литературного языка со временем может превратиться в основу общенационального литературного языка. Такую тенденцию до конца 80-х годов можно было наблюдать и в развитии марийского литературного языка. Но в связи с началом т.н. перестройки в российском обществе и превратным пониманием понятия «суверенитет» произошло ослабление этой тенденции. Снова, как и в 20-х годах, в языковые процессы вмешалась политика.

Следующим шагом в создании единого литературного языка должны быть конкретные действия, направленные на реализацию идеи. В современных условиях, когда марийский язык имеет две формы письменности, формирование общенационального литературного языка целесообразно начать с совершенствования орфографии. Марийский язык в настоящее время находится в совершенно иных условиях, чем до революции и в первые годы Советской власти. В период возникновения и даже в 20-х годах нынешнего столетия значительно легче было приступить к формированию общенационального языка. В те времена письменность только начинала создаваться, отсутствовали письменно закреплённые традиции. Любое начинание могло прижиться относительно безболезненно, как все новые явления. Иное дело сейчас, когда марийский язык располагает письменно закреплёнными нормами, имеющими достаточно длительные традиции использования. Единственно верным шагом в таких условиях может быть только путь сближения письменных норм марийского языка. Фундаментом создаваемого общенационального языка должен стать не диалект, как 60 лет назад, а существующие письменные нормы.

Письменные нормы марийского языка, возникшие на основе двух различных диалектов, отличаются друг от друга прежде всего своими орфографиями. Значительную часть расхождений двух литературных норм можно было бы снять путем унифицирования орфографий. В немалой степени расхождения созданы искусственно, при разумном подходе с точки зрения общенациональных интересов можно было бы избежать их. С целью взаимного сближения определенные отступления от полной фонетизации письма следовало бы сделать обеим сторонам.

Конкретно в этом отношении можно рекомендовать следующее.

1. Отказаться от обозначения лабиальной гармонии в луговом варианте. Это можно сделать совершенно безболезненно, тем более что в отдельных говорах лугового наречия она проявляется весьма слабо и опыт передачи всех конечных безударных гласных посредством *ы* в марийском письме уже имеется. Такое оформление снимет существенную часть искусственно созданных орфографических препятствий. Слова типа *корно*, *шудо*, *шучо*, *шудло*, *шумло*, *шуршо*, *шўдб*, *шўкиб*, *ломбо*, *кудо*, *кужо* и т.д. произносятся в обоих наречиях совершенно одинаково, однако оформляются по-разному. Введение единообразного оформления заметно сблизит наречия.

2. Отказ от обозначения палатальной гармонии в горном варианте. Такой шаг, правда, может вызвать некоторые трудности, потому что звукосоответствие *a ~ ä* здесь имеет фонематическое значение, ср. *амаш* 'шалаш' ~ *äмаш* 'плесневеть', *араш* 'беситься' ~ *äраш* 'загораживать', *вара* 'потом' ~ *väрä* 'шест' и т.д. Однако подобных прямых противопоставлений не так уж много и потому в принципе это преодолимо. Фонематические противопоставления, не отраженные в орфографии, имеются и в орфографии лугового варианта, ср. *неле* 'он проглотил' ~ *неле* 'тяжелый', *веле* 'пролилось' ~ *веле* 'только', но они не мешают пониманию написанного, выручает контекст.

3. Без особых затруднений можно избавиться от обозначения закономерных звукосоответствий типа

у ~ ы: *лум* ~ *лым* 'снег', *вучаш* ~ *вычаш* 'ждать', *курык* ~ *кырык* 'гора', *кудалаш* ~ *кыдалаш* 'бежать', *нур* ~ *ныр* 'поле';

й ~ ё: *вўд* ~ *вёд* 'вода', *кўраш* ~ *кёраш* 'теребить', *нўшкб* ~ *нёшкы* 'тупой', *чўдб* ~ *чёды* 'мало', *чўчў* ~ *чёчы* 'дядя';

е ~ и: *сер* ~ *сир* 'берег', *меж* ~ *миж* 'шерсть', *эре* ~ *ире* 'чистый', *серып* ~ *сирып* 'весомый', *сераш* ~ *сираш* 'писать', *шеме* ~ *шимы* 'черный';

и ~ ё: *писе* ~ *пёсы* 'быстрый', *нине* ~ *нёны* 'эти', *илаш* ~ *ёлаш* 'жить';

о ~ а: *корак* ~ *карак* 'ворона', *олык* ~ *алык* 'луг', *ора* ~ *ара* 'куча', *корем* ~ *карем* 'овраг', *оржа* ~ *аржа* 'грива', *ола* ~ *ала* 'пестрый';

ч ~ ц: *чызе* ~ *цёзы* 'грудь', *чылт* ~ *цёлт* 'совсем', *чумыр* ~ *цымыр* 'в целом', *чуч* ~ *цуц* 'чуть', *чевер* ~ *цевер* 'красный';

ы ~ ё: *чыве* ~ *цёвы* 'курица', *рывыж* ~ *рёвыж* 'лиса', *тылец* ~ *тёлец* 'после', *тылзе* ~ *тёлызы* 'месяц', *тынар* ~ *тёнары* 'столько'.

Можно привести еще ряд закономерных соответствий.

Перечисленные явления чисто фонетические и никоим образом не влияют на пони-

мание смысла, если даже оформлять их с отступлениями от произношения. Некоторые из этих соответствий, например *e ~ и*, *ч ~ ц*, могли бы войти в общий литературный язык в своем горном варианте.

Определенные затруднения могут вызвать соответствия марЛ *a ~ марГ ä*, Л *ы ~ Г й*. Они могут быть противопоставлены фонематически, что в определенной мере поначалу затруднит понимание. Однако это явление временное и регулярное употребление, безусловно, снимет трудности.

4. Введение буквы *г* в горный вариант письма. Фонема такая в нем имеется, но в орфографии она не отмечена.

5. Унифицирование написания целого ряда слов типа *ляш ~ лиаш*, *шиш ~ шиаш*, *семьн ~ семынь*, *мый ~ мьинь*, *ййкшаш ~ йкшаш*, *тут ~ тот*, *жап ~ жеп*, *сугынь ~ согонь*, *кугыжа ~ кугижа*, *логар ~ логер*, *сусыр ~ шушыр*, *еш ~ йиш*, *ме ~ мӓ*, *те ~ тӓ*, *шукерте ~ шукерды*, *шӓн ~ шӓн*, *неле ~ лелы* и т.д.

6. Отказ от написания в конце слов после *и*, *й* буквы *й*, как это принято в горном варианте, т.е. *пи*, *лй*, *мй*, *ни* и т.д.

Данные примеры — далеко не полный перечень случаев, которые могли бы быть приведены к одинаковому написанию, а через него и к одинаковому произношению. Здесь они даны лишь в качестве примеров того, как можно использовать орфографию при создании единого литературного языка. Умело воспользоваться этой возможностью — значит снять добрую половину препятствий на пути к общему языку.

Следующий шаг — использование возможностей грамматического нормирования общенационального литературного языка. В будущий общенациональный литературный язык можно ввести ряд грамматических форм горного варианта. Некоторые из них имеются и в говорах самого лугового наречия, некоторые характерны только для горного наречия.

В качестве литературной нормы для общего языка было бы весьма полезно узаконить:

1. Форму на *-еве* 3 л. мн.ч. имперфекта: *нуно толеве* 'они пришли', *нуно каеве* 'они ушли'. Кроме унификации, использование этой формы избавит литературный язык от омонимичных форм, подчас затрудняющих понимание смысла, например: *тольыч* — *тый тольыч* 'ты пришел', *нуно тольыч* 'они пришли'.

2. Форму с *-де* горного варианта для обозначения отрицательных глаголов перфекта: *мый толдела* 'я не приходил', *тый толделат*, *тудо толде*, *ме толделна*, *те толделда*, *нуно толделыт*.

3. Форму 2 л. мн.ч. повелительного наклонения горного варианта: *те толда* 'вы приходите', *те кайыда* 'вы уходите'. Эта форма имеется и в йошкар-олинском говоре.

4. Горномарийский вариант показателя множественного числа *-вла* со слитным написанием: *корнывла* 'дороги'.

В грамматике диалектных расхождений немного. Почти все грамматические формы — общие для марийского языка в целом. Перечисленными моментами, можно сказать, исчерпываются все различия в грамматике.

Следующим этапом могло бы стать постепенное распространение обоих вариантов литературного языка среди носителей диалектов. Это обеспечило бы постепенное привыкание носителей разных диалектов, в первую очередь имеющих письменные формы, к литературному языку. Повседневное использование обоих вариантов способствовало бы снятию психологического барьера и мнимого непонимания. Таким образом горные марийцы привыкли бы к луговому варианту, а луговые — к горному.

В этом отношении, нам кажется, представляет интерес предложение, высказанное В. Аликовым и Т. Тростерудом (1994 : 112—117). Суть его — в использовании марийского взаимного общения формы своего же марийского литературного языка. Это значит для каждого марийца возможность активно пользоваться своим родным вариантом литературного языка при обязательном пассивном знании его другого варианта. Таким образом, они выдвигают идею «пассивного литературного языка», которым для луговых марийцев будет горный, а для горных — луговой вариант литературного языка. Для того чтобы носители марийского языка могли овладеть ими, предлагается ввести изучение обеих форм литературного языка в школе и высших учебных заведениях.

Идея заслуживает внимания и серьезного рассмотрения. Она вполне может быть реа-

лизована в условиях языковой ситуации в Республике Марий Эл. Как будет показано ниже, аналогичный момент предусмотрен и нашей программой.

Процесс постепенного распространения письменных форм может осуществляться по следующей программе:

- а) включение в учебные планы школ, вузов изучения обеих литературных норм — с этой целью в учебники должны войти тексты на обоих вариантах литературного языка;
- б) в республиканские издания (газеты, журналы) следует помещать статьи на обоих вариантах литературного языка. Здесь очень важно сразу снять расхождения в орфографии, создающие психологический барьер для восприятия: при различном оформлении даже совершенно одинаково произносимые слова начинают казаться разными. Преодоление этого барьера — важная часть программы;
- в) в распространении письменных форм обоих диалектов весьма полезную услугу могут оказать радио и телевидение. Следует максимально использовать их возможности. Для этого необходимо, во-первых, увеличить эфирное время для передач на марийском языке и, во-вторых, передачи на всю марийскую аудиторию вести на обоих вариантах литературного языка. Это мероприятие, проводимое параллельно с распространением печатных изданий среди разнодиалектных читателей, может дать весьма положительный эффект для формирования общенационального марийского литературного языка;
- г) взаимное использование в вариантах литературного языка отсутствующих в них слов. Для лугового варианта, например, горное наречие может представить целый ряд слов, для выражения значений которых в нем нет соответствий, например, *шам* 'сознание', *симсе* 'бирюзовый', *вескид* 'заграница', *айо* 'праздник', *айырло* (луг. *ойырло*) 'разное, раздельное', *акситы* (луг. *оксите*) 'недостача, недостаток', *ала* 'самоволие', *алави* 'нечистый', *алу* (луг. *олу*) 'пустырь, пустошь', *ана* 'росток', *анаш* 'куститься', *апай* 'глухонемой', *арташ* 'навьючить', *артем* 'слега', *ас* 'длина', *атан* 'милый', *аш* 'память, мысль', *пашаланаш* 'трудиться', *ашиндараш* 'припомнить', *аяка* 'кривизна', *вазем* 'пойма', *валем* (луг. *волем*) 'спуск', *велык* 'остаток', *вола* 'флажок' и т.д. В свою очередь и для горного варианта можно позаимствовать много луговых слов, например, *азан* 'беда', *азанланаш* 'беспокоиться', *анык* 'экономия', *аныклаш* 'экономить', *аралаш* 'беречь', *мут* 'слово', *почеламут* 'стихотворение', *пйртјс* 'природа' и т.д. Они пополнили бы словарь горного варианта литературного языка и вместе с тем заметно расширили бы общий словарный фонд, способствуя тем самым сближению двух форм литературного языка.

Взаимообогащение вариантов литературного языка может внести весомый вклад в дело создания общенационального языка, а следовательно, и единения народа. Как известно, значительно легче и безболезненнее приживаются слова своего языка — пусть даже диалектные, чем чужезычные, имеющие подчас совершенно другую фонетическую структуру. И с точки зрения сохранения языка заимствования играют более негативную роль, чем диалектизмы. Как бы не отличалось диалектное слово, оно свое, близкое и по духу, и по фонетической структуре. Использование диалектного лексического богатства — дело весьма желательное в процессе обогащения лексики литературного языка. Нельзя понять позицию противников смелого привлечения диалектных слов в общенациональный лексический арсенал. Диалекты могут предоставить большие возможности для словарного обогащения литературного языка. Особенно внимательно необходимо отнестись к проблеме использования диалектных слов в марийском языковом строительстве. Марийские диалекты располагают солидным запасом лексических единиц, которые можно успешно использовать в литературном языке вместо заимствуемых из русского языка слов. Пути их привлечения в литературный язык могут быть разными.

Особенно важно для достижения языкового единства взаимное использование слов двух форм литературного языка. Умелое применение их в письменной речи на марийском языке, умеренное, ненавязчивое чередование текстов на том и другом вариантах постепенно может создать необходимый психологический настрой для осознания важности языкового единства. Пока же среди марийской общественности осмысленного отношения в этом плане не чувствуется, преобладает прежнее консервативное отношение. Более того, вновь проявляются абсурдные требования признать диалекты отдельными самостоятельными языками. Тенденция к языковому объединению, сохранявшаяся в язы-

ковом строительстве 60—80-х годов, в последнее время начинает затухать из-за спекулятивного подхода к решению проблем языка, когда вновь разжигается «чувство родного диалекта», характерное для начального этапа развития нации. Создается впечатление, что марийская культурная общественность продолжает жить сегодняшним днем, не думает о будущем своей нации. Если она не избавится от подобного узкоместнического подхода к решению своей национальной проблемы, если не выработает в себе стремление укрепиться в языковом и культурном отношении, перспективы национального возрождения останутся проблематичными. Марийской нации необходимо серьезно осмыслить перспективы своего развития, осознать, что без языкового единения, без превращения литературного языка в многофункциональное средство общения, без проникновения его во все сферы жизни общества мечтать о будущем нации — иллюзия. Вероятность сохранения ее как самостоятельной этнической единицы будет минимальная.

В настоящее время марийское языковое строительство находится на распутье. Возобновляется старый сомнительный спор, принесший немало вреда языковому строительству марийского народа. Единство народа вновь подвергается серьезному испытанию. Тем временем общественность безрассудно тратит свои силы на маловразумительную дискуссию о том, является ли горное наречие диалектом или самостоятельным языком, внося раскол в национальное единство. Будущность марийской нации и его языка горные и луговые марийцы представляют себе по-разному.

В последнее время появляются ростки нездоровой тенденции расшатать устоявшиеся литературные нормы и внутри самого лугового варианта литературного языка. С появлением марийской газеты, издающейся для восточных марийцев — факт несомненно положительный для развития литературного языка — начинаем вновь возвращаться к ситуации первых послереволюционных лет, когда газеты на марийском языке издавались на диалектах. Газета «Чолман», выходящая в Башкирии, явно отходит от традиций марийского литературного языка, не соблюдает грамматические, лексические и даже орфографические нормы литературного языка. Такое отношение к литературным нормам может отбросить нас далеко назад в языковом развитии.

Наконец, еще один противостественный шаг, вносящий раскол в единство марийской нации и ее языка был сделан в последние перестроечные годы — это попытка создания еще одной формы марийского литературного языка, третьей по счету, для носителей северо-западного наречия. Министерство образования и воспитания республики издало букварь на этом диалекте для обучения детей Тоншаевского и Шарангского районов Нижегородской области. К чему это может привести, понять не трудно. Письменно закрепленные нормы будут долго тормозить процесс образования общенационального языка, что убедительно показало развитие письменности на диалектах в первые годы Советской власти. Языковая ситуация с точки зрения проблем общенационального литературного языка у марийского народа в последние годы не улучшается, а, напротив, осложняется. История повторяется. Самосознание, понимание процесса языкового развития в новых условиях у марийского народа оказались недостаточно развитыми.

В свете изложенного встает вопрос: как оценивать языковую ситуацию у марийского народа в настоящее время? Отвечая на него, необходимо прежде всего иметь в виду, что проблема «концентрации диалектов в единый национальный язык» остается одной из главных. Несмотря на все сложности, она не снимается с повестки дня культурного строительства марийского народа. В настоящее время марийский народ не имеет единого литературного языка, следовательно, нет основания говорить о существовании у него национального литературного языка как высшей формы языкового развития. Не обосновано научно и утверждение о том, что имеется два марийских литературных языка. Признание двух литературных языков есть отрицание единой марийской нации как этноса, имеющего общий язык. Кажется, никто сейчас этого не отрицает. Исследователи единодушны: существует народ под названием *марийцы*. Поэтому будет правильно говорить о марийском литературном языке, имеющем два варианта, или две формы, или две нормы. В истории языков прецеденты такого рода имеются. У одного народа иногда формируются две литературные нормы, но не два языка. Так, норвежский язык и в современном состоянии имеет две нормы: новонорвежский (nynorsk) и книжный (bokmål). (ЛЭС 337). Регио-

нальные варианты литературного языка, образовавшиеся под влиянием диалектов, имеют также в итальянском языке, литература на диалектах продолжает выходить до сих пор (ЛЭС 206). Однако никто в этих странах не говорит об отдельных самостоятельных языках.

Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что ненаучно говорить о «марийских языках», как в последнее время настойчиво предлагает Л. П. Васикова (1992). Такой термин ничем не оправдан, он не отражает объективного состояния марийского языка. Термин «горное наречие» не должен вызывать у носителей этого диалекта отрицательную реакцию. В таком же значении употребляется и другой термин — «луговое наречие» — по отношению к носителям лугового диалекта. Они как термины и как разновидности марийского языка эквивалентны, и потому применение термина «наречие» по отношению к диалекту, на котором говорят жители правобережной части, не является попыткой ставить горное наречие на ступень ниже лугового наречия. Иная ситуация возникает, когда литературный язык сопоставляется с его диалектными базами. Здесь уже необходимо говорить о двух ступенях развития языка, на лесенке языкового развития здесь диалекту отводится более низкая ступень. С этой точки зрения горное наречие как диалект, равно как и луговое наречие, действительно является категорией, стоящей на ступеньку ниже, чем литературный язык. В такой иерархии находятся все диалекты по отношению к литературному языку, в том числе и базовые. Обиды здесь не должно быть.

Но с другой стороны, когда речь идет о едином литературном языке, все диалекты не могут быть равнозначными. Один из них, легший в основу общенационального языка, будет иметь главенствующее положение, а все остальные вынуждены будут довольствоваться второстепенной ролью. Образование общенационального языка не происходит без известных жертв со стороны остальных диалектов. В процессе его формирования каждому из диалектов в чем-то приходится уступать. Таковы закономерности развития литературных языков.

Четко обнаружили они себя и в попытке создать единый марийский литературный язык. В этой связи небезынтересно вспомнить выступление известного ученого академика Б. А. Серебренникова, посвятившего немало своих трудов исследованиям проблем марийского языка, который в 1953 году, в период вторичной попытки приступить к созданию общенационального литературного языка, говорил: «Горные марийцы рассматривают лугово-восточных как покушителей на горномарийский литературный язык. Тут антогонизма не должно быть. Луговые марийцы — это не иностранные захватчики, а тот же марийский народ. И если мы хотим создать для себя удобный единый литературный язык, то младший брат должен уступить старшему. А старший брат должен учесть кое-какие интересы младшего» (Серебренников 1953 : 115—116).

При определении языковой ситуации с точки зрения литературного языка у марийского народа нельзя игнорировать этот диалектический закон, регулирующий процессы формирования наций и литературных языков. Нужно помнить, что выбор диалектной основы определяет не воля одного человека или даже группы людей, он диктуется объективными общественно-историческими условиями, в которых формируется нация. Важную роль здесь играет также центростремительная сила нации, чем она сильнее, тем легче он совершается.

В заключение необходимо отметить следующее. Ратуя за необходимость создания общенационального литературного языка, само собой понятно, автор не предлагает здесь насильно уничтожать диалекты. Они останутся и еще долго будут существовать параллельно с литературным языком. Но в интересах всей нации — иметь на литературном уровне один общий язык.

Постановка вопроса о едином марийском литературном языке, об общем языке для всего марийского народа, отвечающем всем требованиям современных условий общественной жизни, и трактовка его с позиций приоритета наиболее распространенного диалекта, возможно, вызовет, как это происходило в истории марийского языкового строительства не раз, неодобрение и некую негативную реакцию со стороны отдельных представителей горного наречия. Но надо помнить, что существование различных точек зрения неизбежно в решении таких важных для будущего нации вопросов, каковым является

единый литературный язык. Нет сомнения в том, что будут противники изложенной точки зрения, могут быть и сомневающиеся. Это естественно. Но если смотреть вперед, думать о будущем нации, то проблему языкового единства, хотим мы этого или нет, придется решать, ибо без этого не будет самой нации. Представителям марийской общественности, пользующимся как тем, так и другими вариантами литературного языка, надо попытаться понять, что только путь единения может обеспечить их будущее как самостоятельной нации, сохранит их язык для грядущих поколений. Языковое и культурное дробление сыграло печальную роль в судьбах многих финно-угорских народов. Марийский народ, похоже, пока движется тем же путем. Об этом необходимо помнить и постараться избавиться от узкоместнических интересов ради общенационального единства как гаранта процветания нации.

ЛИТЕРАТУРА

- А л и к о в В., Т р о с т е р у д Т. 1994, Марийское двуязычие у мари. — *Volgalaiskieleet muutoksessa*, Turku.
- Б у д а г о в Р. А. 1967, Литературные языки и языковые стили, Москва.
- В а с и л о в а Л. П. 1992, За образец беру Эстонию. — Республика, 23 октября 1992; Равенство подлинное и мнимое. — Марийская правда, 30 октября 1992.
- И в а н о в И. Г. 1975, Возникновение и развитие марийского литературного языка, Тарту (Рукопись докт. дисс.).
- Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990 (= ЛЭС).
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1953. — Рукописный фонд МарНИИ. Оп. 2, д. 170, л. 115—116.
- Центральный государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 171, оп. 1, д. 214, л. 18 (ЦГА).
- В е р е с з k i, G. 1995, Die aktuellen Fragen der tscheremissischen Spracherneuerung. — Zur Frage der uralischen Schriftsprachen, Budapest.
- К о к л а, P. 1995, Über die Möglichkeit einer einheitlichen marischen Schriftsprache. — Zur Frage der uralischen Schriftsprachen, Budapest.
- С а а r i n e n, S. 1995, On the Present State of the Mari Lexicon. — Zur Frage der uralischen Schriftsprachen, Budapest.